

Алексей Улитин

Люди и НЕлюди

Территория Творчества представляет...

Алексей Улитин
Люди и НЕлюди. Территория
Творчества представляет...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48508239

ISBN 9785005070821

Аннотация

Вдох. Выдох. Снова вдох. Пора! Казалось бы, банальность, обыкновенный контроль дыхания, но при погружении в Бездну важна любая мелочь. Она не прощает ошибок. Готов ли я? Готов! Без всяких «кажется» готов! Я делаю свой первый шаг по лестнице. Раз! Всё то, что переполняло меня буквально полчаса назад: и шумный портовый город, и весело звучащие шутки друзей, остаются в моём прошлом, уступая своё законное место новым ощущениям, пробирающим мое естество вплоть до появления мурашек.

Содержание

Территория Творчества представляет...	6
Берег мой, берег ласковый...	8
Часть 1	8
Часть 2	12
Часть 3	16
История одного... убийцы?	20
Нежданный гость	24
Заговор Марсиан	28
Миз Кив	28
Тан Кас	31
Фос Сам и Нел Сам	34
Алекс Бурк	37
Эпилог. «Заговор марсиан»	40
Эманация зла	44
Глава 1	44
Глава 2	48
Зов бездны	52
Ночь Святого Иоанна	57
Глава 1	57
Глава 2	61
+18	64
Глава 1	64
Глава 2	67

Green Alert	71
Глава 1	71
Глава 2	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Люди и НЕлюди Территория Творчества представляет...

Алексей Улитин

Редактор Валентина Спирина

Иллюстратор Елизавета Дмитриевна Луцкая

Дизайнер обложки Елизавета Дмитриевна Луцкая

© Алексей Улитин, 2019

© Елизавета Дмитриевна Луцкая, иллюстрации, 2019

© Елизавета Дмитриевна Луцкая, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7082-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Территория Творчества представляет...

Алексей Улитин

Родился в 1981 году в городе Горьком.

С 1998—2004 студент физико-технического факультета НГТУ С 2004 по настоящее время – преподаватель кафедры «Прикладная математика».

С 2006 по 2014 – журналист Участник 4-го и 5-го Всероссийских Слетов молодых литераторов в Большом Болдино (2017 и 2018 год) в номинациях «Поэзия» и «Проза».

Номинант премии Сергея Есенина (2017) и Поэт Года (2017) по версии сайта «Стихи.ру»

Романтик... крепко битый жизнью романтик...

Берег мой, берег ласковый...

Часть 1

«Я ни о чём не жалею. Честно! Если бы мне представилась возможность прожить свою жизнь ещё один раз, я бы не отказался от сделанного мною в юности выбора.

Сын уважаемого и знатного человека. С прекрасным домашним образованием. Будущий правовед. Парик. Красная мантия. Почёт и уважение. Королевская служба. Именно таким меня видел мой отец. Думаю, с его связями и его деньгами так оно и было бы. Не получилось! Мне не по нраву пришлись душные судейские залы, показное лицемерие истцов и подсудимых. Скучные речи обвинителя и защитника. Мне хотелось простора и приключений. Морского воздуха и опасностей. Я не был совсем пропащим, но с «шилом в известном месте». Так говорят о таких людях, как я.

До сих пор не знаю, как меня нашли эти Люди, не знаю – почему. Но они подошли ко мне и сделали Предложение. Вы представьте себе: мне, огорчённому прямым запретом отца, в тот самый миг, когда детская мечта готова была рухнуть, вдруг эту заветную мечту ДАРЯТ! Правда, с условием, но это уже не важно. Желаемый компромисс между осуществлением моего желания и желанием моего отца о моей

службе был найден. В конце концов, взятки (а ради чего еще идти в судьи?) я настоящей Службой не считал. Можно Служить и иным образом...

Что за условие, спросите вы? Отвечу: я должен был исчезнуть. И я исчез! Попросту убежал из дома. Как последний портовый мальчишка. О, как лицедействовал мой отец! Какие громы и молнии он насылал на мою голову. Ничего, я перенёс. Это не страшнее жажды и зноя, морской качки и морской соли, первой «проверки на вшивость». Без смертельного риска. Пока без...

По её окончании, когда я вновь встретил ТЕХ, кто подарил мне мою Судьбу, мне был ещё раз задан тот же Вопрос, что и в первый раз. И я вновь сказал своё твёрдое «Да». Кресло судьи в моём представлении было тем эшафотом, на котором была бы казнёна моя ожившая Мечта. Тогда и настал час моего Первого Испытания, растянувшегося более, чем на два года. Сколько раз задуманное срывалось! Сколько мною было сделано попыток! Я пропах солью и потом, порохом и кровью. Меня убивали, и я сам убивал, но я выполнил то, что должен был сделать. И многие люди должны быть благодарны мне за то, что могут спокойно плыть, не опасаясь нападений на море.

Почти сразу после того, как я вступил на берег, ко мне вновь подошли и за бутылкой забористого рома предложили отдохнуть по-человечески, но я уже понял, что к чему. И вновь согласился. Поменять ещё один раз маску? Да по-

чему бы и нет! И вот перед вами богатый плантатор! Жадный до денег, готовый удавить и сам удавиться за лишнюю унцию золотого песка. Откуда злотишко? Из моря, вестимо! Вопросы будут? Таким меня привыкли за несколько лет видеть окружающие. И никто из них даже не удивился, когда я вновь уплыл в неведомые края, тем более что я не особо скрывал от окружающих свою цель. Мнимую цель. Просто для порядка. Так было нужно для осуществления той основной миссии, к которой меня готовили всё это время. О, как я искусно разыграл свою роль! Как по нотам. Прибыл. Освоился. Затаился. Вёл жизнь обычного человека в моём положении. Сделал всё, чтобы никому и в голову не пришло меня хоть в малом ассоциировать со Службой. Выдержал испытание долгими годами одиночества. Ибо быть своим среди чужих означает обречь себя на одиночество. «Заснул». И исподволь, медленно, но верно, несмотря на болезни и трудности, трудился. Собирал информацию и готовил почву. И так больше, чем четверть века, день за днём, ночь за ночью, пока передо мной не появился посланник, назвавший верный пароль и передавший Приказ.

Что было дальше? А дальше вы знаете. В критический момент я бросил на весы боя всех тех, кто был мне обязан жизнью. Безжалостно и без особых угрызений совести. Враг был разбит на суше и на море! А Корона... Корона получила и подданных, и земли, и описание того, какие богатства таят в себе эти земли. А я... я, валяясь в очередном присту-

пе лихорадки в каюте первоклассного парусника, спешащего домой, пишу этот отчёт о своей миссии на тот случай, если умру в пути.

Остаюсь верным Короне и Службе, искренне Ваш, Робинзон Крузо».

28. 05. 2019

Часть 2

Шпионаж как прикрытие

А здорово у меня получилось, правда? Самое главное – я это написал почти о себе самом. Почти всю свою жизнь я провел вдали от родного дома. Я тоже терпел кораблекрушение, тоже оказывался вдали от цивилизации по собственной воле. Также вот лежу сейчас в каюте клипера «Изумруд», несущего меня через океан и тоже страдаю от крайне тяжелой формы малярии, которую лечу попеременно сернокислым хинином и чарками водки. Ну не в ходу на боевом корабле Российского Флота забористый ром. Я должен выздороветь! Тем более, что если уж меня до срока объявили погибшим, есть желание пожить подольше. Особенно сейчас, когда я уже достиг один раз своей цели! И теперь очень сильно желаю успешно повторить свою попытку ещё один раз!

Как не крути, а Робинзон – глупец! Мальчишка, отдавший свою жизнь за осуществление детской мечты о море. Ребячество, недостойное взрослого и образованного человека. Если уж рисковать собой, как это делаю и буду делать я, то во имя чего-то глобального, во имя человеческого прогресса! Так я решил для себя ещё со студенческой скамьи. Прогресса научной мысли, а не того, о чём подумали вы!

Хотя, соглашусь, что поскольку на пути постижения научных истин часто труднопреодолимой преградой встаёт

вопрос денежной помощи, то естествоиспытателю не стоит стесняться лишнюю монету из грязи подобрать. Религия ученого – наука! И для её торжества не стоит пренебрегать ничем! Даже политическими авантюрами. Тут мой знакомый Пётр К. абсолютно прав! Впрочем, он титулованный князь, и он может совмещать служение науке и такие опасные игры. А что прикажите делать мне? Для меня же, всегда вечно нуждавшегося в деньгах и на своё обучение, и на свои исследования, оставался один-единственный возможный путь, помимо смиренного обращения за деньгами к меценатам. И я его прошёл.

Как же нелепы, смешны и наивны были для меня те искусственные препятствия, которые то и дело вставали у меня в этот раз на пути к поставленной цели! Как мне сказали, чтобы меня не дай Бог никто не назвал этим смешным английским словом «Spy». Так оно и вышло на самом деле. О чем говорить, если даже научная аппаратура была мне пожертвована, а не куплена на свои деньги. Все видели и видят до сих пор во мне незадачливого бородатого русского чудака, нищего как церковная крыса, к тому же выдвигающего научные идеи, идущие вразрез с «ведущими мировыми умами».

Ведущими, к-ха! Вот кто, скажите, кто делает научные выводы на основе поверхностных наблюдений, на основе внешних описаний? О, как же я вас посрамлю, господа! Прости, меня Эрнст Геккель, прости мой учитель, но как говорили

древние: «Amicus Plato, sed magis arnica Veritas»! Платон мне друг, но истина – дороже! Я пригвозжу всех вас фактами, результатами своих изысканий!

За прошедший лихорадочный (в прямом смысле этого выражения) для меня год, что я прожил на этом берегу, не осталось никаких сомнений. Нет переходных форм от обезьяны к человеку! Все кто есть – homo sapiens, как бы странно они не выглядели. Никаких сомнений в этом быть не может! У меня на руках все доказательства! Только бы выздороветь! Выздороветь и продолжить свои изыскания! И как можно скорее! Глупые меркантильные люди ради презренной наживы могут уничтожить этот уникальный антропологический заповедник! Не позволю! Я сделаю всё, чтобы остановить неразумных! Способ – есть!

К тому же, Богу – Божье, науке – результаты, а пора и кесарю отдавать его кесареву долю. Тем более, что военное министерство все равно потребует от меня СВОЕГО детального отчета, весьма далёкого от чистой науки. Вот через него я действовать и буду! Итак, решено! Превозмогая очередной пароксизм малярии, я сажусь за стол, подвигаю к себе лист бумаги, открываю чернильницу, обмакиваю в черную жидкость кончик пера. Затем, собравшись с мыслями, начинаю писать при свете «летучей мыши» следующие строки.

Морскому министру Краббе Николаю Карловичу.

Проект создания Папуасского Союза под протекторатом Российской империи.

*Писан дворянином Миклухо-Маклаем, Николаем
Николаевичем, на борту парового клипера «Изумруд».*

На какие только жертвы не пойдешь во имя торжества чистой науки...

16. 07. 2019

Часть 3

Честь имею представиться

Одно могу сказать – славная книга! Книга, поневоле заставляющая, прикрыв глаза, вспомнить былое. Книга, в компании которой я коротаю свой долгий путь в далекий, полудикий край, следуя новым курсом своей жизни.

Бережно провожу я своей рукой по обложке и ещё раз перечитываю титул книги: «The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner». Хорошая жизнь смелого человека. Удивительная ли? Для человека, далёкого от моря, наверное, да. Но не для меня, отдавшего морю долгие годы жизни. Много я повидал. Моя судьба подобна переменчивой морской погоде, когда попутный бриз сменяется полным штилем, а он в свою очередь внезапно может смениться гибельным штормом. Впрочем, судите сами.

Я – сын богатого и знатного человека, решивший посвятить себя служению науке и морю. Море – это тоже наука, которую я постиг в том числе и ласками знаменитой «кошки-девятихвостки» по спине за нерадивость при обучении. Но я, как и мои товарищи, столь же юные и дерзкие, всё выдержал. А затем вылетел в неизвестность, подобно оперившемуся птенцу из родительского гнезда. Меня ждала далёкая Голландия и постижение морского искусства под руководством знаменитого адмирала Р.

Славное было время! Три года интенсивной практики, сквозь бури и приступы морской болезни, в круговороте встреч с кораблями других держав. Иной раз подобные встречи заканчивались тем, что бросавшие нам вызов гибли от «неизбежных на море случайностей», в виде лихого абордажа или метко выпущенного ядра.

По юности не замечаешь трудностей и риска, а собственная смерть кажется тебе чем-то безмерно далёким. Осознание пришло лишь в тот день, когда я получил первый офицерский патент. В то мгновение, когда я огляделся вокруг и увидел, что стою в числе семнадцати из сорока восьми искателей приключений, отправившихся в далекую Голландию три года назад...

Но я не унывал. Напротив, я подобно орлу, расправившему крылья, рвался в неведомые дали. Суровые походы, славные баталии и взятые на шпагу города манили меня столь же сильно, как манила в свои чертоги наука. К примеру, напишу я очередной трактат на ночной якорной стоянке, поставлю в нем последнюю точку, выйду вновь на палубу и прикажу поднять паруса. Обычное дело! Поэтому некоторые меня за глаза прозывали «доктором», на что я не обижался и продолжал служить пером и шпагой. И всё было хорошо, пока...

Пока я надолго не застрял на берегу. Всё же для обитателя моря, каким я стал, суша – всегда смертельно опасна. Угораздило же меня оказаться не в то время, не в том месте и не в той компании. И, как результат, меня схватили

по обвинению в государственной измене и мятеже. Если бы меня судили по закону, я бы смог доказать свою невиновность, но когда бездушный судья, имеет к тебе личные счёты... Приговор был очевиден – смерть! Из высочайшей милости четвертование мне заменили на менее мучительную казнь, но всё же я почувствовал себя обречённым кораблём, попавшим во власть урагана. Это поистине страшное чувство: лететь с гребня волны в пропасть. Ночь, проведённая в камере смертников, была просто ужасна. Я знал, что тех её обитателей, кто побывал в ней днем ранее, уже отправили на эшафот, и, поверьте, не ждал никого, кроме священника и палача.

Мне повезло. Меня в числе прочих отправили бессрочно в далёкий и суровый край, где я в положении раба каторжным трудом должен был искупать свою «вину». Долго длился наш путь, многих мы схоронили и лишь мои познания в медицине позволили выжить остальным. Два года настоящего ада, которые я с трудом выдержал. Пока однажды мои звёзды снова не сошлись вместе так, чтобы я смог вновь оторваться от земли и робко попытаться взлететь ввысь, как и в юные годы. Победа над местными пиратами, возвращение шпаги, милость от высочайшей особы, вновь обрётённая любовь... А потом пошли дела, секретные настолько, что я о них умолчу. Упомяну об одном – я вновь стоял на палубе своего корабля и вновь сочел морские приключения и научные труды, а сейчас...

Сейчас же (ирония судьбы!) я ещё раз еду в тот удивительный край, в котором прошлый раз я был рабом. Но на этот раз уже в качестве губернатора.

Нет, я не Френсис Дрейк. И не иной книжный флибустьер. Русский адмирал Соймонов Фёдор Иванович, честь имею представиться.

16. 09. 2019

История одного... убийцы?

Я проснулся, как обычно, в половине одиннадцатого ночи. Моё время вновь пришло! За окнами – 1888 год и меня гонит на улицу Жажда. Жажда, которая стала мой сутью, едва я окончательно осознал себя тем, кто я есть. Но прежде... Прежде надо было подготовиться. Я начинаю!

– Крх-крх, крх-крх, крх-крх...

Для меня мелочей не бывает! Я, как настоящий художник, создаю свои работы красным по серому! И не одной кистью, а целым набором инструментов разной длины, которые я использую в основном по ночам. И которые перед делом требуется очень хорошо заточить.

– Крх-крх, крх-крх, крх-крх...

Я люблю процесс затачивания настолько сильно, что едва не мурчу от удовольствия. И от осознания себя творцом. А я – творец! И моим холстом были, есть и будут подворотни моего Лондона. Города, который я очень сильно люблю. И который я делаю ночами чище и лучше, как бы не утверждали обратное все эти не ценящие прекрасное людишки.

О, вот теперь всё готово! Остро отточенные инструменты погружаются в отведенные для них места мехового футляра, который я всегда ношу со мной. Теперь мне можно выходить в ночную темень. И я выхожу!

Темнота приятна. Она делает меня почти невидимым

и почти вездесущим. Лишь уличные фонари и редкие, освещённые окна заставляют меня отбрасывать тень. Но это не важно. Я не прячусь. Я иду, мягко ступая по мощенной булыжниками мостовой с осознанием своего полного превосходства. В конце концов, я в своем праве поступать так, как должен!

Мой променад обычно заканчивается у одного из таких домов, рядом со входом в который горит красный фонарь, где я обычно и нахожу то, что ищу. Но, едва я делаю первый шаг, как что-то останавливает меня. Что это? Может быть это просто Луна, неожиданно наполовину спрятавшаяся за тучами. А может быть и мой инстинкт. Или... (любой творец, как известно, находится под опекой Высших Сил) это осознание и правда пришло ко мне из иного мира, но я остановился и заспешил к старой пристани. Скорее всего, именно последнее...

Моё внутреннее Я, войдя в резонанс с посланием из иной Сферы Бытия, гнало меня вперёд. Вот честно, выйдя сегодня в ночь, я предполагал создать лишь небольшой этюд, который, быть может, останется незамеченным. Сейчас же я осознаю, что этой ночью меня ждёт феерия. И настоящий шедевр! Скорее, скорее!

Вот он, спуск вниз, к самой воде. А вот... вот к деревянному причалу, на котором стоит одинокий человек с потайным фонарём, почти бесшумно подошел паровой катер, на палубе которого стоят трое людей. Я затаился. Я жду. Я наблю-

даю.

Недолгий обмен фразами на непонятном для меня языке, два переброшенных с палубы тюка, свёрток, переданный на палубу ожидающим. Двое с катера переходят на причал. Короткий вопрос от удивленного встречающего и смех оставшегося на палубе. Долетевший до меня ответ «Ми ву», вызвавший ответный смех встречающего. Двое на причале подняли тюки на свои плечи.

Луна, выглянувшая на мгновение из-за туч осветила лица двух китайских мужчин которые стали подниматься по лестнице в город. И одной девушки. Вот оно! Та причина, по которой я оказался здесь! То, ради чего само Небо послало меня! Неужели окружающие люди слепы? Неужели они и правда не видят этот сосуд зла, полный порока, мучительной болезни и смерти? Неужели только я...

Я спасу тебя, Лондон! Пусть, пусть потом меня будут презирать, но я выполню перед тобой свой долг! Я знаю истину! Надо только всё рассчитать. До секунды, до миллиметра. Это будет шедевр! Вряд ли я столкнусь с таким еще раз в своей жизни.

Двое мужчин, сгорбившись, идут по улице к опиокурильне, девушка, значительно отстав, плетётся за ними как безвольная кукла под руководством кукловода. Именно это увидели бы случайные прохожие, окажись они здесь в столь неурочный час. Но я вижу в этой картине совершенно другое. Я вижу Старуху с косой, оскалившуюся в предвкушаю-

щей ухмылке под своей птичьей маской, которую она нацепила под сегодняшнее пиршество. Я – настоящий герой! Меня ждёт подвиг! Подвиг, о котором никто не узнает. Убивая сейчас, я остановлю смерть! Инструменты обнажены. Пора!

Расчётливо, бесшумно и без всякой жалости я делаю свой коронный рывок вперёд и отбрасываю вниз, на деревянный настил причала и дальше, в темные воды Темзы, тело поверженной мною жертвы. Гонконгской крысы, инфицированной чумой. Спи спокойно, Лондон! Мяу!

7. 09. 2019

Нежданный гость

Звонок в дверь заставляет меня вспомнить о том, кто я такой. И о своих обязанностях по дому. Обилие немецкой крови в венах, плюс чисто английские вышколенность и исполнительность проявляют себя при любых обстоятельствах и в любой стране мира, куда не занесла бы судьба того, кому я служу. Вот почему я степенно иду к входной двери и замираю перед ней, как часовой на своём боевом посту. Открывать дверь я не буду. Круг моих обязанностей несколько иной.

Интересно, кто на этот раз стоит за дверью, кто осмелился потревожить наш покой: Гость или Проситель? Многих людей видели мои глаза, как из первой, так и из второй категории. Ах, да, могут быть ещё журналисты...

За всё своё время службы я уяснил одно: первый вариант всегда предпочтительнее. Гость вежлив, дружелюбен, держится с достоинством, обстановка в доме царит самая благоприятная. И моя задача – сопроводить того, кому я служу и его гостя в гостиную, и оставить их там, обсуждать за кофе и сигарами прошедшие предстоящие гастроли, новые творческие идеи, светоосвещение, парики и киноленты. Настоящая богемная жизнь актёра с мировым именем, чьё имя не сходит с афиш крупнейших городов мира и кого будут рады видеть не только сцены, но и аристократические ложи са-

мых именитых театров, состоит порой вот из таких посиделок, в ходе которых рождаются самые настоящие шедевры. Выпроваживать таких людей на улицу не приходится, а лишь вновь сопровождать. Никаких особых хлопот. Да и внимание мне уделяется ровно столько, сколько надо. Ни больше – ни меньше, чему я только рад.

Журналисты. Вот тут как повезёт. Если Журналист является ещё и Гостем – всё прекрасно. И даже если нет, не факт что будет плохо. Просто порядки здесь, в Советской России несколько иные, чем в Европе и не все меня воспринимают адекватно. Ну и ладно. Моя задача даже в таких случаях максимум – тряхнуть головой, сохраняя невозмутимость. Что мне с того, что они скажут про меня ерунду вроде: «Какой славный мальчуган!», «О, какая черная ливрея на нём, совсем вы, Василий Иванович обуржуазились...». Всё равно через пару минут они будут сидеть и беседовать в гостиной, мигом забыв про моё существование.

А вот Просители... кошмар! Нервные, готовые то заискивать даже передо мной, то на меня шикнуть. Причём второй вариант лучше первого. Почему? Да потому, что они зачастую приходят пьяные и норовят то щёки потрепать, то в лоб или нос поцеловать. И ладно бы женщины, а то – мужчины! Нет ничего хуже! Фу...

Итак, дверь отворили без моего участия и через порог переступает... Гость... Ой, нет! Кажется, на этот раз – Проситель. Или... я запутался! Просто в прошлый раз этот по-

сетитель пришёл как Гость, ну или почти как Гость. Веселый, но тактичный, экстравагантный, но не эксцентричный, солнечный, причём абсолютно трезвый. Как по речи, так и по поведению. И только я на самом-самом дне голубоводных глаз Гостя видел сгустки накопившейся черноты. Не такто легко он вжился в новый для себя образ, но попытку можно смело зачесть.

Браво! Именно так и сказал ему Василий Иванович, обменявшись крепким рукопожатием неделю назад. Прекрасно помню, что приём ему был оказан на самом высоком уровне, хотя статус того, кому я служу, значительно выше. А вот сейчас – даже не знаю. Странное есть свойство у человеческой природы – маски менять от случая к случаю. Впрочем, это касается лишь взрослых.

– Какими судьбами, мой друг? Проходи в дом, в ногах правды нет...

– Да вот, решил зайти. Я же человек чести. Раз имел неосторожность обещать – значит должен исполнить. И вот я здесь.

Я напрягся. Подобную развязность в разговоре себе позволяли лишь Просители. Каково будет решение: сопроводить или выпроводить? Вошедший переключил своё внимание на меня и присел на корточки. Всё же мой рост еще мал.

– И ты здесь, будущий, судя по имени, морской волк? Давай я и с тобой поздороваюсь по русскому обычаю. Пусть в ваших «европах» так не принято, но у нас на Руси иные

правила. Тем более, что сегодня я снова здесь появился только благодаря тебе.

Его искреннее рукопожатие так трогает меня, что я даже не знаю, что мне делать. Радоваться? Смущаться? Огорчиться? Ведь по нему видно, что пусть не сейчас, но буквально дня два назад он «гостил у Бахуса», как обычно говорят о подобных Просителях в гостиной дома. Что будет дальше?

– В таком случае, пройдем в гостиную. Не у дверей же нам с тобой об искусстве беседу вести. Не будем оскорблять своим непочтением наших муз, – соглашается впустить Посетителя тот, кому я служу.

– Прекрасно! – восклицает Гость и, уже оборачиваясь ко мне, спрашивает. – А ты нас, литературный герой, проводишь?

Я коротко киваю в знак согласия своей головой и уже через минуту иду рядом с Гостем к гостиной. Всё верно! Меня и правда назвали в честь героя Стивенсона, ты прав, о солнечный блондин с такими глубокими голубыми глазами.

Наш добродушный Сергей Александрович. Есенин.

17. 05. 2019

Заговор Марсиан

Миз Кив

– Ну, вы и тупы-ы-ые, земляне! – протянула про себя Миз Кив, глядя на то, как два брата-близнеца Петр и Павел Самопаловы, получив заслуженные «твиксы», уныло бредут от доски к своей парте.

Задача, на которой они сели в лужу, была столь примитивной, что её понял бы и детёныш скрокка, который отличался редким скудоумием. Своё телепатическое послание братьям она сопровождала вполне земным жестом: покрутив правой рукой вокруг указательного пальца, приставленного к виску. Особого впечатления это не произвело. Разве что Пётр показал ей на мгновение кулак в качестве ответного жеста.

– Угораздило же меня попасть в такую земную школу. – размышляла над своим будущим марсианка, опустив подбородок на замок из сцепленных ладоней рук, лежавших на столе. – Поговорить по-человечески и то не с кем. Хоть сама фантастику пиши. Примитивные все. Одним словом, земляне.

Урок уже подходил к концу. На том дело и кончилось бы, но... доска требовала новой жертвы.

– Летова, ты, очевидно, уже знаешь ответ, раз тебе так

скупно. Блесни перед нами своей эрудицией.

Марсианка встала и спокойно пошла к доске, отдуваться за нерадивых братьев по разуму и всех прочих трусов своего класса. Никто и не подумал включить камеру на смартфоне, чтобы снять для уфологического паблика новый ролик. Почему?

А чего снимать-то? Миз Кив имела вполне земную внешность. Да и нет у марсиан ни носа трубочкой, ни рогов на спине, хвост же...

Единственный хвост, вернее, «хвостик» (предмет гордости любой марсианки) не вызывал никаких вопросов, поскольку был аккуратно опутан резинкой по земному обычаю. Во всех прочих вещах маскировку никто ещё не отменял, тем более, что годились вполне стандартные методы, например, очки. С очками на Марсе сроднишься поневоле, так как пыльные бури не редкость, но и на этой планете ими тоже никого не удивишь. А то, что эти очки – не «консервы» – дело десятое. К этому она уже привыкла.

Миз взяла в руки мел и не спеша стала писать решение, борясь одновременно с искушением записать его в пару строчек и желанием расхохотаться. Школа, что стояла уже полвека на улице Локомотивной не относилась к числу сильных, а нравы в ней были просты, как в пещерах горы Малакандра, где жили отшельники. И фраза «самая умная» здесь было не похвалой, а ругательством, способным довести до бойкота. Ответ был дан буквально за минуту до звонка. Полу-

чив очередную оценку «4» в журнал, Миз села на своё место. Выделяться на фоне других в учёбе не следовало, да и не выделиться особо со своим невысоким ростом.

Ой, рост... Первое время она его стеснялась. Инженер Перевоплощений был явно не в духе, создавая эту оболочку для неё. Но потом пришло понимание, что со временем рост из проблемы станет дополнительным фактором защиты для неё, как и очки. Одноклассники уже вышли из того возраста, когда высказывают претензии из-за таких вещей, а вскоре они и вовсе будут гасить враждебность. Чисто теоретически должны гасить.

Прозвенел звонок. Миз одновременно с другими учениками убрала тетрадку и ручку в рюкзак. Как и блокнот в клетку, страницы которого были изрисованы строгими прямыми отрезками, сочетания которых отображали фантастические фигуры, которые не встретишь на Земле. Плод её вселенской тоски по родной планете.

То, что на неё сейчас никто ещё не обращал внимания, было даже к лучшему. Миз точно знала, что скоро всё изменится. И очередной этап начнётся сегодня, буквально через несколько часов. И когда всё будет готово... иные пожалеют! А пока... пока, как пел её однофамилец, «Всё идёт по плану.»

Тан Кас

Когда Тан Кас подошёл к столу заказов, вызванный звонком кассира, перед стойкой с кассовым аппаратом стояли двое мужчин средних лет, в глазах каждого из которых читался холодный блеск. Примерно так же отсвечивали те два ножа, которые он, Тан, держал в своих руках.

– Ну и где этот ваш мастер, который, согласно заявке в меню должен разделывать рыбу прямо при нас в зале, да ещё две руки?

Как и полагается при начале разговора с серьёзными собеседниками, не выказывающими явной вражды, Кас прислонил рукоятки ножей к плечам, направив их лезвия вниз, дабы Голос дал его собеседникам разум.

– Я здесь! И от своих слов не отступлю!

Вот кто точно вписывался в концепцию представлений о том, каким должен быть истинный Марсианин, так это Тан. Двухметрового роста, широкоплечий, со строгим овальным лицом, с хорошо прокачанной мускулатурой обеих рук и.. лысый! Вот каков он был с виду! Разве что не зеленокожий! Солидно он выглядел. А уж с ножами... и вовсе brutally! Наверное, именно поэтому двое посетителей сначала замолчали, а потом синхронно кивнули пару раз, выражая полное одобрение увиденному.

– Доводилось? – спросил один из посетителей, красноре-

чиво постукивая пальцем по своему плечу.

– Нет, что вы.. мне лишь семнадцать... еще не успел.

– О, как! – удивился один из посетителей. – Хороший ответ! Если ты ещё и готовить умеешь на уровне – тебе цены не будет. Где место трапезы?

Эффектными движениями рук Кас засунул ножи в нагрудные карманы-ножны и показал на столик в самом углу (как раз для двоих посетителей). Самый близкий к гигантскому аквариуму с живой рыбой. Предсказать дальнейшее можно было и без телепатических способностей, которых неугомонные земляне по счастью лишены.

– Лично мы хотим вон того осетра, а то он от одиночества измучился поди.

Тан, не тратя зря время, подхватил сачок и, угадав манёвр царской рыбы, выудил её из привычной среды обитания, положив на передвижной разделочный столик.

Удар милосердия был выверен до миллиметра. Марсиане не любят напрасных мучений, даже если речь идёт о бессловесной рыбе. А столик покатился к крану, который был установлен высоковато по отношению к раковине. Именно для таких изысканных посетителей, любящих понаблюдать за процессом приготовления онлайн. И платящих за зрелище мастеру на чай крайне щедро. Осетра, как и любую другую рыбу, перед разделкой надо как следует промыть под проточной водой, уделив особое внимание его жабрам.

Подвесив поверженного царя пресных вод на крючок,

марсианин, которого все окружающие принимали за землянина, ушёл на кухню, везя перед собой столик, но достаточно быстро вернулся. Теперь на столике дымилась вареная картошка в кастрюле, стояли две чаши (с мукой и укропом) и сковорода с зажаркой.

– Вот что я делаю? Уму непостижимо! – думал про себя Кас наливая проточную воду в кастрюлю, чтобы остудить картошку. – Я, как истинный марсианин, не ем ни яиц, ни рыбу, а чем мне приходится заниматься?

Пока картошка остужалась, дошла очередь до ножей. Ювелирным движением он разрезал рыбу от головы до хвоста, и начал тщательно очищать полость её брюшка от внутренностей, как будто он потомственный повар.

– Я реально так больше не могу! – думал Тан. – Скорее бы мне снова стать самим собой. Тем, кем я являюсь на самом деле.

Теперь, когда рыбу оставалось лишь зафаршировать, обернуть в фольгу и поставить запекаться, в своих мыслях он был очень далеко, переместившись не только в пространстве, но и во времени на четыре часа вперёд. Сегодня! Именно сегодня их тщательно разработанный план вступит в свою вторую фазу осуществления, и вот тогда – трепещите, земляне!

Фос Сам и Нел Сам

Всё же жизнь на планете Земля очень и очень странная. Такие коллизии преподносит, что любой марсианин рот откроет от удивления. Разве могут родные брат и сестра иметь разных родителей почти сразу после своего рождения? И быть не вместе? И вообще не знать друг о друге долгие годы? Дикость же несусветная! И это цивилизация? Это возможно? На Марсе – нет! На Земле же, как оказалось, случается.

А порою, Кривая Судьбы выпишет вокруг них такой пируэт, что больно будет не только им, но и всем окружающим. Вы представьте себе ситуацию: встречаются случайно эти двое через много-много лет, влюбляются друг в друга взаимными чувствами и... как обухом по голове – правда! Фактически приговор! Табу! Которое существует что на Марсе, что на этой, третьей от Солнца планете

И, хотя в отличии от однолюб-марсиан, для землян в перспективе существуют другие варианты, но даже их сердца огорчатся, если с их знакомыми случится подобная жуть.

Да и многие странности поведения, которые неизбежны при попадании в другое общество, спишутся. Недаром же местные говорят, что «за лесом деревьев не видно»! Как не странно, но подобная скоропалительная «легенда» реально помогала маскировать свои намерения. По крайней мере,

половине заговорщиков, что откровенно радовало, так как осуществление дерзкого плана висело «на волоске»...

По первоначальной задумке отряд завоевателей должен был быть иным. Но после серии тренировок выяснилось, что один из его членов просто «не тянет». Причём, выяснилось это по Вселенскому Закону Наложения Бед едва ли не в самый последний момент, когда времени на поиски равноценной замены Илу Ламу не оставалось от слова вообще. И даже, если бы другой такой марсианин нашёлся, далеко не факт, что он смог бы вписаться в его состав. Боевой обкатки, психологического слаживания никто не отменял. А к мрачновато-молчаливой Нел, при всём её профессионализме (за который она и попала в число завоевателей), найти подход было трудно. Разве что симпатяга Фос (реальный и единокровный брат) прекрасно с ней ладил. А опыт... опыт – дело наживное. Просто подкорректировать режим тренировок в сторону усиления и всё получится. Тем более, что он старался на все сто и еще десять процентов сверху.

Сейчас этот улыбчивый парень среднего роста, вернувшись из техникума, отжимался на пальцах, дабы придать им столь необходимые гибкость и твёрдость.

Сегодня его сестра вернулась из школы первой, и, поскольку успела сделать всю «домашку» между уроками, в настоящее время предварительно сбежав по лестнице сначала наверх, а потом вниз, всюю раскачивала качели во дворе дома. И делала она это на зависть очень многим очень краси-

во, почти виртуозно. Неожиданно она прервала своё увлекательное занятие, доставляющее ей поистине неземное удовольствие и быстро вернулась в квартиру, несколько озадаченная.

Фос, то есть Тим, а сегодня случайно не...

– Девятнадцатое, девятнадцатое, ты права! – ответил марсианин, заметив волнение Нел, которая не только назвала его земным именем, будто их могли подслушать, но и нервно тербила очки, в которых на этой планете принято плавать под водой.

– Ой, а мы случайно не...

– Конечно же нет, уверяю тебя! – успокоил сестру Фос, помогая ей собрать свои белокурые волосы в хвостик. – Без паники, мы всё успеем! Общий сбор в пол шестого, а сейчас только три. Полчаса на сборы здесь, двадцать минут до места, полчаса на подготовку там. Минимум час у нас есть.

– Тогда, – заметила Нел, надевая очки, – Настал твой черёд качелей. А потом...

– Потом – настоящее дело! – улыбнулся марсианин. – Мы изменим этот мир!

Алекс Бурк

Людей иных профессий, как и волков, кормят ноги. Чем больше суешь свой нос, тем чаще тебе от жизни перепадают самые жирные куски. Прописная истина, которой уже очень много тысячелетий. Первому обнаружить, первому осознать то, что нашёл, первому из людей оповестить весь мир о том, что «Хьюстон, у нас проблемы».

К величайшему его огорчению, история с «Поцелуем Вампира» оказалась столь дикой выдумкой, что он, Алекс Бурк, безглаголиво скривил губы. Когда он вышел на свидетелей данного события, то огорчился тому, что зря потратил своё личное время. Из несвязной речи двух шестнадцатилетних подростков, отрекомендовавшихся «хорристами» (поклонниками фильмов ужасов) понял одно. Если ты, напившись пива, свалишься вот с этой трубы теплотрассы и почувствуешь свою кровь, то знай – тебя укусил вампир и теперь ты один из них. И что об этом должен узнать мир! Правда, им надо дать ещё одну баночку...

Поэтому, он в раздражении оставил подростков сидеть там, где они сидели до него и пошёл искать более перспективный вариант. Он у него был! Послание в Vibere от анонима, содержащее лишь словосочетание «заговор марсиан» и карту, на которой кружком была отмечена хозяйственная постройка в самом конце улицы Жаров, интриговало.

Во всём этом что-то было, и Бурк, хмыкнув, написал в ответ: «через полчаса».

– Ну что, други? – спросила Миз Кив, оглядывая собравшихся членов группы захвата планеты. – Все готовы?

– Вполне, – с азартом отозвался Тан Кас, синхронно вертя в своих руках, как ковбои в земных фильмах, агрегаты марки «Зилджан». – Вдарю, так вдарю! Не подведу!

– Да и я готова проявить себя – поддержала соратника Нел, успевшая распаковать свой «Эписон», и ныне подстраивающая удерживающий ремень под себя.

Вот её большой палец правой руки коснулся небольшого рычажка на корпусе и перевёл его в среднее положение. Всё как у землян с их нелепыми орудиями убийства, стреляющими пулями. Как? Ну вот как можно не понимать, что применение сочетаний звуковых волн (истинное оружие настоящих марсиан!) гораздо эффективнее по воздействию на живое, мыслящее существо? Её брат Фос был того же мнения. Не беда, что его «Скуер» излучал волну низкого диапазона. Главное – эффект команды, готовой завоевать планету и её слаженность во время боя.

– Кого ждём? – поинтересовался Фос. – когда начнём?

– Землянина, – ответила Миз, и тут же поправилась, увидев недоумённые взгляды соратников. – Нашего землянина. Того, кто нам поможет. Который, как и мы жаждет обновления. И на ком мы можем проверить и отточить свои способности. Он будет здесь с минуту на минуту.

– Тогда не будем зря тратить время, – воскликнул Тан, саживаясь в кресло «Брахнера» без которого «Зилджаны» смотрелись нелепо.

Вот они снова совершили ковбойский оборот и замерли. «марсианин-2» был полностью готов к бою.

– Мир вам, братья по разуму! – поприветствовал их вошедший Алекс Бурк. – Ого! А вы, я вижу, времени зря не теряли. И первое впечатление, причём положительное, произвели. Позволите? – жестом показывая на свободный табурет.

– Да ради вашего земного Голоса, пожалуйста! – певуче ответила Миз в той манере, которая чуть ли ни гипнотически воздействовала на землян-одноклассников.

Алексу потребовалось мгновение, чтобы на правах жителя Земли по-хозяйски передвинуть табурет в центр помещения и сесть на него.

– А вот теперь я вас слушаю! И если дело обстоит и в самом деле так, говорите, то я правда до конца с вами и за вас!

– Я же говорила, что он наш, понимающий, – улыбнулась Кив, любовно обхватив рукой свой «Таскам», до поры, до времени пряча его от взгляда землянина. Едва слышимый щелчок, подмигивание Тану, и резкий поворот через 10 секунд. Все сомнения прочь! Назад хода нет! Заговор начнёт своё воплощение по счёту пять... четыре... три... два... Поехали!

Эпилог. «Заговор марсиан»

Атаку начал Тан. «Зилджаны» в его руках мелькали круче любых нун-чаку, тут же поддержанные Нел, к которой мгновение спустя присоединился ср своей четырёхструнной бас-гитарой Фос, вычерчивая первый рисунок рок-композиции. Стоило Касу уступить законное первенство Нел, как Миз запела:

*Джин гасит все проблески мысли под вечер,
А утром вам даст силы жить.
И тайне проходят любовные встречи,
Чтоб вас не могли распылить.*

*Мы прошлое сменим для всех за минуты,
Коль так это нужно сейчас.
Мы правду укроем, чтоб не было смуты,
Вождь смотрит с плакатов на нас.*

Алекс встал, едва услышав такое. Но нельзя же подобное слушать сидя. А его ладони тут же превратились в знаменитые «улитки» из самой рокерской детской потешки.

*«Улитка, улитка, покажи рога,
Дам тебе я хлеба, кусок пирога»*

А Миз, видя этот эффект продолжила петь:

*Пришёл этот час,
Когда мы для вас
Даем две минуты добра.
И каждый герой,
Когда он с толпой
Кричит хором наши слова:*

*Наш Мир – есть война!
Наш Свет – это тьма!
Нас слушай и сразу поймёшь:
Свободен лишь раб,
Примите, как факт!
Мы все говорим только ложь.*

– Сочетание женского вокала с антиутопическим текстом и металл-композицией – то что мне надо! – думал Алекс, которому нравилось ВСЁ.

*Сейчас решено: дважды два есть четыре,
А завтра мы скажем, что – пять!
Повсюду враги в окружающем мире —
Вот все, что о нем нужно знать!*

*Возникшая мысль по каким-то причинам,
И искренность ваша – теракт!
Предавший любовь станет вновь гражданином,
Коль так повелел Старший Брат.*

Пока Миз дважды пела припев, Алекс всё для себя решил. Надо их брать в оборот! И немедленно! А по названию... если есть «Земляне», почему бы не быть «Марсианам»? Если есть «Оргия» и «Ария», то и для «Заговора» ниша найдётся, если...

– А ещё что-нибудь у вас есть?

– Конечно, – рассмеялась Кив. – Ну что, покажем ему остальное? Давайте «Чёрного пса»...

Когда через полтора часа Бурк покинул это помещение, он вновь чувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой. Эти вполне земные (на Марсе ведь жизни нет!) ребята прекрасно чувствовали те темы, которые затронут сердца их будущих поклонников. А на этом, как гласила реклама, «можно заработать».

– Что скажешь, Миз? – спросила подругу Нелли.

– Что скажу? – вопросом на вопрос ответила Кив. – Он попался! Мы станем известными! И это нам на руку. Для этого потребуются годы, но оно того стоит. Наша жизнь не будет прежней. Нас ждут великие дела! А ближайшие планы – репетиция на послезавтра! По домам!

– Как много надо исправить в этом мире: жестокость, алчность, апатию – думала про себя по паспорту вполне земная Маша Летова.

Девушка, зелёные глаза которой пять лет назад стали карими от вида межмировой «скрокковой норы» которая воз-

никла из ниоткуда перед экскурсионным челноком их марсианской школы в иной реальности. – Но с моими способностями мыслетранслятора у нас всё получится!

22—23. 05. 2018 17. 04—23. 04. 2019

*В рассказе использовано стихотворение А. Улитина
«Министерство правды»*

Эманация зла

Рассказ-версия

Глава 1

Сразу поясню: я не католик и не англиканин! К алкоголю я отношусь нейтрально, к табакокурению (сам принципиально не курю) с пониманием. (Автор)

– И всё же, друг мой, ты ошибаешься, – произносит мой собеседник, выпуская правильное кольцо табачного дыма. – Зло имеет свою материальную форму, в чём я смог убедиться лично во время своей последней поездки.

Не желая отставать от своего давнего врага и старого друга, я набиваю свой Петерсон отменным кавендишем и наблюдаю за тем, как забавно вздымаются брови моего с некоторых пор коллеги. Хороший английский паб – место вполне демократическое, куда там чопорному Гайд-парку в Лондоне, поэтому темы наших дискуссий вполне свободны. С поправками на нынешнее время, конечно. Всё же идёт война. Раскурив свою трубку, я степенно, как и положено профессору литературы, начинаю его спрашивать, будто он мой студент.

– Ты меня удивил, Джек, несказанно удивил. Неужели ты

вновь решил вернуться на позиции агностицизма? Неужели мы с тобой, как в старые добрые времена, будем вести эти интеллектуальные дискуссии о пределах познания добра и зла?

– Ты помнишь? Да, тот разговор об Истинном Мифе, который произошёл на самом деле, о настоящем имени Бальдера, к которому я с юности испытывал симпатию, изменил меня. То была твоя победа, Толлерс!

Он салюует мне своей пивной кружкой, и я отвечаю ему тем же. Кружка-другая хорошего эля утром вторника ещё никому не вредила. Я улыбаюсь, хотя прекрасно понимаю, что эта моя победа была пирровой. Да, благодаря моему участию мой друг вновь стал христианином, более того, настоящим богословом, ярким проповедником, но почему? Почему не добрым католиком, каким являюсь я, а вновь англиканином? Впрочем, это не важно! Важно – что он мой друг и коллега!

– Так что там с материальной формой зла? Что ты увидел в поездке, наш непоседа?

– Лично меня Господь миловал, но я говорил с человеком, который всё видел собственными глазами. Это трагедия! То, что нас принципиально не бомбят, только подчеркивает весь ужас происходящего! Мы тут сидим в пабе, докуриваем довоенный табак, пьём добрый эль и рассуждаем о северной мифологии и христианском мировоззрении, а буквально рядом с нами гибнут тысячи и льётся кровь. Те же, кто выжил, не знают, увидят ли завтрашний рассвет или нет. Сам пони-

маешь, что тогда происходит.

Я смотрю на несостоявшегося кюре (а то и капеллана!) и утвердительно киваю ему в ответ. Убеждённый девственник, пришедший к Богу, так же как и апостол Павел, через ЕГО первоначальное неприятие, человек, наглядно демонстрировавший принцип верования «Будьте как дети» – каким же он был бы в моем понимании идеальным священнослужителем!

– Конечно, понимаю! Человеку, смотрящему в глаза смерти важна уверенность, что всё не напрасно! Что за порогом его земных страданий стоит нечто большее.

– Ты прав, Толлерс! Ты даже не представляешь, насколько прав! А если учесть, каков твой противник...

– И каков же он? – я внимательно наблюдаю за лицом своего друга, выплывающим из облака табачного дыма, и вспоминаю себя четверть века назад, жившего до предыдущей войны в своеобразной башне из слоновьей кости. Его лицо морщится, будто несёт на себе часть чужой боли.

– Противник? В том и проблема, – мой коллега в запале сжимает в своём тяжёлом кулаке чубук своей трубки и потрясает им в воздухе. – Это не тролли из сказки. И даже не дракон! Те просто не могли жить по-другому. Как и волки, к примеру. Просто, чтобы жить. А сам бой? Это тебе не благородный рыцарский поединок один на один, и даже не артиллерийский обстрел, который можно воспринимать как удар безликого Фатума. Это намного страшнее.

– Намного страшнее? – недоуменно переспрашиваю я. – Что может быть хуже артобстрела или газовой атаки, о которой пока не слышно? Или той же окопной лихорадки, когда мазь, которая должна по идее спасти от орды вшей, служит для этих монстров лишь апперетивом перед подлинным пиршеством на нас. Сам через это прошёл.

– Может, Толлерс! Ещё как может! Мне самому не хватит духа написать, но рассказать... рассказать я смогу.

Осушив до дна свою пинтовую кружку с элем, мой собеседник пристально посмотрел на меня и начал свое неспешное повествование.

Глава 2

– Ты ведь знаешь, как быстро на войне теряются последние моральные ориентиры. Это происходит даже у людей, считающих себя христианами. Про атеистов и говорить не приходится. Потеряв в очередном бою товарищей, человек поневоле озлобляется. А другая крайность – это зелёный новобранец, ещё не знающий реального боя, но уже давший присягу убивать самому. И того и другого надо поддерживать. Где найти точку опоры для них? Только ТОТ, кто пожертвовал собой во имя всего человечества. Когда я говорю о НЁМ, то я подчеркиваю и то, что в нынешнее время приходится идти на жертвы. А так же я напоминаю о том, что даже апостолам пришлось взять в руки мечи и лить чужую кровь за своего Учителя. Я напоминаю про апостола Павла, который смог подняться из самой бездны и смотреть в свое будущее смело благодаря тому, что он уверовал. И привожу в пример себя самого. Я говорю это и в выступлениях по радио, и при личных встречах.

– И что произошло на этот раз? – заинтересовано спрашиваю я, ещё раз досадуя, что так и не смог убедить своего друга много лет назад принять католичество.

– Была встреча, Толлерс, не радиопередача. Думаю, ты понимаешь разницу.

– Distinguo, Джек! – подначиваю я друга его же любимым

восклицанием на латыни. – Различаю!

– Да, это когда ты стоишь за кафедрой, смотришь на собравшихся в зале и начинаешь говорить, наставляя, делать то, что ты умеешь. И пусть передо мною сидели не студенты, да и говорил я им не про английскую литературу, но это было именно живое общение. И вот когда я сказал, что не может быть вещи, содержащей в себе изначальное зло, что даже на оружии можно найти след благородства, встал Он...

– Кто он? – спрашиваю я, увлечённый рассказом коллеги.

– Этот человек... Я сразу понял, что он отличается от всех присутствующих. И от убивавших, и от новобранцев. В его глазах я увидел такую черноту, что меня невольно взяла оторопь. Он встал со своего места, сделал несколько шагов так, чтобы видеть и меня и всех остальных и начал говорить.

– Вы неправы! Как же вы неправы! Есть то зло, встреча с которым наполняет ваше сердце ужасом и отчаянием. Сначала вы видите на небе только маленькую черную точку. Она приближается и вскоре начинает напоминать птицу погребального окраса. А потом срывается со своей высоты вниз и почти камнем падает прямо на вас. Падает, но прежде, опережая этого даже не стервятника, а настоящего, неуязвимо-го, изрыгающего огонь дракона о двух крыльях и двух лапах, на вас падает ЗВУК. Звук, в завывании которого нет ничего человеческого и ничего звериного – механический отзвук смертоносного злобного воя. Воя, от которого хочется кричать самому, плотно прижавшись к палубному настилу

в ожидании неминуемой смерти, ибо ты уже видел со стороны, что будет дальше. Но бомба не срывается с держателей, вместо этого штурмовик взмывает ввысь и снова повторяет свой ужасный заход. С тем же потусторонним воплем и неубирающимися шасси. А потом ещё раз, летя настолько низко, что ты воочию видишь в кабине черную фигуру летчика – мозг и сердце эманации зла! Так низко, что иные из тех, кто ещё жив, сами бросаются в морскую бездну с палубы корабля и гибнут в ней. Лишь после этого жертвоприношения он улетает, оставляя нам лишь стоны умирающих...

Мой друг замолчал, и я не нашёл те слова, которые можно было бы сказать ему в ответ. Честно, не помню, как я провёл этот день, но даже вечером, когда я вновь забил в свой Петерсон голландский Van Rossem, эта история не выходила у меня из головы. И я понял, что должен сделать две вещи. Попросить Клайва Льюиса, которого мы в своём кругу зовём «Джек», повторить рассказ при моём сыне Кристофере, который жаждет стать летчиком-истребителем и... где бумага, пока образ в моём воображении не пропал? Где чернила? Вот они! Недаром мы – ИНКлинги! Обмакнув кончик пера в чернила, я, Джон Рональд Руэл Толкин, вывожу строки описывающие эманацию зла, чей образ у меня так долго не складывался.

«... налетели назгулы, и страшнее стали их пронзительные вопли – отзвуки смертоносной

злости торжествующего Черного Властелина. Они кружили над городом, как стервятники в ожидании мертвечины».

3—4. 07. 2019

Зов бездны

Вдох. Выдох. Снова вдох. Пора! Казалось бы банальность, обыкновенный контроль дыхания, но при погружении в Бездну важна любая мелочь. Она не прощает ошибок, даже таких с виду незначительных. Готов ли я? Готов! Без всяких кажется, готов! Я делаю свой первый шаг по лестнице.

Раз! Всё то, что переполняло меня буквально полчаса назад: и шумный портовый город, и весело звучащие шуточки друзей, остаются в моём прошлом, уступая своё законное место новым ощущениям, пробирающим мое естество вплоть до появления мурашек.

Поверьте, Душа, твое внутреннее я, реально замирает при встрече с этой Колыбелю Миров. Да, каждая встреча с ней неповторима, но самое первое ощущение всегда одно и то же. Во всяком случае у меня. Не знаю, можно ли это соотнести с точкой наивысшего наслаждения при истинной интимной близости двух любящих сердец, но это точно круче банального секса.

Затем я делаю второй шаг. За ним третий. Бездна принимает меня в себя. Несмело и насторожено. Пропасть становится всё ближе и ближе. В моё подсознание котятками проникают звуки, похожие слова, которые произносятся вкрадчивым шепотом неземной сущностью.

– Давненько не виделись. Снова ты? – спрашивает ме-

ня она.

– Как видишь, – телепатически отвечаю я. – Пропустишь дальше?

Бездна – моя старая знакомая. Я отрываю свои руки от перил и устремляю корпус своего тела вперёд, преодолевая сопротивление окружающей меня среды.

Слышишь этот звук? Он вокруг тебя.

Словно сотни крепких рук удержат хотя бы...

Хотите верить, хотите – нет! Но ощущения именно такие. – Конечно, пропущу, – поломавшись для вида, соглашается она. – Доброта мне не чужда.

– Только обратно выпусти, как и раньше, – отвечаю я.

– Продвигайся дальше и выше, вернее глубже, а там посмотрим!

В последней шутке было немало истины. Головокружения, что от большой высоты, что от большой глубины не такая уж и редкость с жизни. Как и то удивительное внутреннее ощущение, что земная поверхность – сверху. Спросите любого пилота, он подтвердит, что если не видишь линию горизонта, такое случается...

Бездна зовёт в долгий полёт!

Бездна влечёт в вечный полёт!

Всё бесполезно, он не исчезнет.

Ты слышишь зов бездны!

Написано до жути правдиво, правда те, кто был на моем месте лишь один раз, вряд ли меня поймут. Зов в первый раз редко кто слышит. Но он реально существует. Как реально существую я. «Дай-вер», как меня называют некоторые знакомые.

Я передвигаюсь ещё дальше. Здесь по-своему красиво. У Бездны есть своя неповторимая эстетика. Особенно, если ты уже успел забыть о семейных неурядицах, о том, что тебе в автобусе наступили на ногу и грубо посоветовали передать за проезд через другого человека, о всех иных «бурях» в том море, что зовется твоей жизнью. Здесь и сейчас, когда ты один на один с ней, такой манящей, тебе до них как до Луны, если не как до Марса.

*Бури и шторма, где-то далеко,
Здесь покой и тишина, просто и легко!*

Тихо. Правда тихо. Пока тихо. Ненадолго. Пока я не отправлюсь в обратный путь. И этот обратный путь будет намного сложнее для меня, чем сейчас. Ибо, как и полагается, за всё надо платить. И плата за вход – рубль, а вот выход... выход каждый раз под вопросом. Ибо Бездна ужасно ревнива к своим гостям. Настолько, что просто так не отпускает, заранее считая нас своей собственностью. Будто капризный ребёнок, желающий получить подарок раньше положенного Дня Рождения. Каждый из нас для неё и собеседник, и иг-

рушка, за обладание которой она готова побороться. Именно поэтому обратный путь будет для меня сложнее. И ответственнее. Таков сделанный мною выбор.

– Смелее, – подбадривает меня Бездна. – По старой дружбе охотно разрешу зайти тебе дальше...

Пользуясь её разрешением, продвигаюсь к своей Цели. Вот она, всё ближе и ближе. Как и Истинная Бездна, поскольку под собой я пока ещё ощущаю поверхность. Но ещё какие-то десять шагов вперёд, и слабонервным – не смотреть! Это и в самом деле страшно! Но это завораживает!

Все трудней дышать, в жилах кровь кипит.

Пусть на миг замрет душа, бездна пусть решит:

Отпустить ли домой или...

Только вот «или» для меня быть не должно! В принципе! Я ловлю последние мгновения тишины, а своим взглядом солнечные блики на стеклах моих очков и... И силуэт девушки прямо перед собой. Девушки, стоящей на крыше двенадцатиэтажного дома. Суицидницы. «Девушку-дайвера» (на профессиональном сленге), которую я, как спасатель и психолог, обязан спустить вниз. По лестнице. Живую и невредимую.

А потом... потом я ещё раз поднимусь сюда. Один, обутый в свои неизменные кроссовки. Посмотрю вниз и попрошусь с Бездной. Вопрос один: надолго ли?

31. 08. 2019

*В рассказе использован текст песни
Мargarиты Пушкиной «Зов бездны».*

Ночь Святого Иоанна

Глава 1

Дикий крик, полный нечеловеческой, предсмертной боли, разбудил меня прямо посреди ночи. Выглянув в окно, я задрожал всем телом, осознавая, как сильно влип. Возбуждённая предстоящей «потехой», толпа парижан вынесла топорами двери таверны, на втором этаже которой я ночевал, и устремилась внутрь, терзаемая жаждой крови.

Я прожил на этом свете достаточно, чтобы понять, что происходит. А происходило самое обыкновенное для Парижа дело. Время от времени, ночной порой, на улицах появлялись толпы фанатиков, (неважно, католики то были или гугеноты), жаждущих очищения своего прекрасного города от засилья сил зла. Великого очищения сталью и огнём, в ходе которого улицы обильно обагрятся кровью как намеченных на заклятие жертв, так и абсолютно непричастных.

Я слышал, как трещали ступени лестницы под тяжестью множества башмаков, и метался по своей комнате в страхе за свою шкуру. На улице, преграждая мне дорогу к спасению, стоял высокий бородатый мужчина, державший в одной руке факел, а во второй – топор. Рядом с мужчиной лежал заранее припасённый мешок. Оно и понятно! Очищение

города от сил зла всегда и всюду идет вместе с очищением тех мест, где скрывалось зло, от добра. В свою пользу, разумеется! Если только...

Только сейчас, когда моя память услужливо подсказала мне, что в предрассветной темени вновь, как и год назад, зарождается день святого Иоанна, я окончательно осознаю весь ужас происходящего. Конец! Мне пощады точно не будет!

В подтверждении этого, я слышу, как за стеной началась отчаянная схватка за жизнь. Сначала дерево ударилось в дерево, а затем торжествующий смех одного из нападавших сменился визгом, более уместным для поросёнка.

– Ах ты драться, ведьмово отродье? До крови?! Да вас тут двое! Целый шабаш! Луи, Марин, на помощь! И Огюста сюда, Огюста зовите!

Это – Ашиль! Ашиль, по прозвищу Одноухий. Ашиль, в полной мере оправдывающий своё имя. (Ашиль – стар. фран. «причиняющий боль») Счастливчик, которому я завидовал весь вечер, ибо трактирная красотка Бланш предпочла его, коренного парижанина и героя многочисленных уличных баталий, мне, скромному провинциалу.

Короткий бой подходил к концу. Отчаянно молила о пощаде Бланш, силясь доказать свою непричастность к занятию колдовством, а Ашиль бросался из угла в угол, отвлекая на себя внимание нападающих, но силы были слишком неравны.

– Пустить им кровь! – предложил кто-то за стеной.

– Нет! – снова подал голос тот, кто лишь недавно визжал, как идущий под нож хряк. – Простой смерти они не достойны! К столбу их, к столбу!

– Да! – единогласно поддержали бесчеловечное предложение своего предводителя напавшие парижане и тут же расхохотались, страшно и зло.

Оконные ставни в соседней комнате отворились и в ночную уличную темень полетели слова приказа:

– Огюст, что ты там стоишь истуканом? Быстро к нам! А то мы всё веселье на улице пропустим! А вы... (это предводитель обратился к находящимся в комнате) быстро проверьте остальные комнаты! Ни за что не поверю, что здесь этих мерзких тварей было лишь трое...

Подстрекаемая им толпа устремляется в коридор, и, в тот самый миг, когда от сильного удара плеча распаивается дверь, я запрыгиваю на подоконник, а с него спрыгиваю вниз, используя свой, наверное, последний шанс на спасение.

– Как хорошо, что этаж лишь второй, – успел подумать я, без проблем приземлившись на землю. – Иначе... иначе я бы всё равно прыгнул, надеясь, что для меня всё закончится быстро.

– Стой! – несётся мне сверху. – Ах ты, проклятый сосуд зла!

Не слушая его ругань, я быстро, насколько могу, встаю

и убегаю, заворачивая за ближайший угол. Просто прямо перед собой я вижу вдали ещё одну приближающуюся толпу с факелами. Меня гонит вперёд жажда жизни, именно поэтому я стараюсь не замечать того, что происходит вокруг и что лично ко мне не имеет никакого отношения.

Я перескакиваю через тело собрата, в котором узнаю Матиса, жившего у цветочницы с улицы Экуфф. Вот я пробегаю мимо тупика, из которого слышится многоголосый гогот и жалобные крики о помощи. Здесь помочь я не в силах, поэтому бегу дальше.

Глава 2

А вот тут... Не знаю, каким ветром занесло меня в эту подворотню, но когда я увидел, что рослый парижанин замахивается дубинкой, чтобы ударить рыжую прелестницу, то не колебался ни минуты. Я атаковал! Без всякого предупреждения и со спины! В конце концов, рыцарский поединок для честного противника, а с подлецом можно поступить и так. Тот вскрикнул от неожиданности и боли, а я, улучив момент, заорал спасённой: «Бежим!»

И мы побежали. Побежали, совершенно не разбирая дороги, потеряв всякую ориентацию во времени и пространстве. Побежали из последних сил, чувствуя за собой дыхание приближающейся к нам смерти.

Едва мы выбежали из нашего переулочка на широкую Пасси, как над нашими ушами просвистела кем-то брошенная палка. Ещё одна толпа, свистя и улюлюкая, устремилась к нам, почти не оставляя нам шансов. Спасение пришло оттуда, откуда мы его не ждали. Наш преследователь, в азарте погони тоже не разбиравший дороги, врезался в эту толпу на полном ходу и сбил с ног сразу двоих. Этим он подарил нам драгоценные мгновения на то, чтобы мы успели устремить свой бег туда, где пока не видели толп, а лишь далекое зарево от огня. Опомнились мы слишком поздно, только в тот момент, когда обнаружили, что мы выбежали на ши-

рокую Гревскую площадь, а прямо перед нами возвышается Столб Смерти.

– Прячься! – успел выкрикнуть я своей спутнице.

И мы, подобно мерзким крысам, нырнули прямо в кучу мусора и затаились в ней. К счастью, в той суматохе, что творилась на площади, никто не обратил на это внимание. Рядом со Столбом был установлен помост, на котором стояли два человека. Один из них, обладавший властным взглядом, стоял, величественно придерживая правой рукой эфес длинного меча. Второй же, облачённый в сутану, то и дело принимал из рук подходивших людей мешки и одаривал их на прощание пассами своих рук в воздухе. Наконец, он вскинул вверх обе руки, прося тишины. Стоящие на площади люди замолчали. И лишь треск горящих факелов нарушал торжественность минуты наступившей тишины, а ещё... А ещё мы слышали приглушённые голоса, среди которых (клянусь!) я узнал голоса Ашиля и Бланш. Фигура в сутане начала свою речь:

– Сегодня, в канун того великого дня, когда отдается память Святому Иоанну, мы, благочестивые парижане, собираемся здесь, дабы очистить наш город от самых верных слуг Антихриста – ведьм и их прислужников посредством огня.

Толпа на площади взревела от восторга.

– О, сир! – тут говоривший склонился в почтительном поклоне перед... королём. – Да будет ваш костёр первым в веренице тех, что зажгутся этой ночью.

Едва горящий факел был сброшен с высоты на вязанки хвороста королевской рукой, едва поднялось над столбом высокое пламя, как два палача, заняв свои места, стали развязывать мешки и вытряхивать прямо в огненное пекло наших братьев и сестёр – парижских котов и кошек. Их тела летели вниз и это видели все, присутствовал на казни, но только я и моя подруга видели ещё другое.

Вдвоём мы увидели ту белооблачную лестницу, по которой кошачьи души устремлялись в ТОТ мир, где все псы к ним дружелюбны. А ещё мы заметили, как по второй лестнице, что появилась недалеко от первой, с Небес запоздалым Ангелом Мщения спускается Белый Всадник. Но, едва копыта коня касаются булыжников на площади, одеяния всадника чернеют, а на его голове сама собой появляется широкополая шляпа того же черного цвета. И птичьим клёкотом из его рта доносится самое страшное слово, которое только может существовать на Земле.

– PLAGA!

23. 09. 2019

Глава 1

Я подошел к заветному магазину ровно к девяти часам утра. Душа просила. Почти вслух. Приходить раньше для меня не имело никакого смысла. Не продадут! Вернее, мне не продали бы искомое в любом случае, ссылаясь на букву совершенно дурацкого закона, но заключалось в другом. Касса пробила бы чек только по истечению 59 минуты от 8 утра, отчего я и пришёл строго ко времени открытия.

Нет, я не дурак, не подумайте так! Я не стал стоять около дверей магазина, демонстрируя себя объективам камер слежения. Зачем мне нужны неприятности? Каждому (я не исключение из правил) известна «страшная государственная тайна», давно являющаяся секретом Полишинеля – все камеры уже третий год соединены с ЕСРЛ, Единой Системой Распознавания Личности. Какой бы грим ты не наложил на лицо, как бы не постарался укрыться от пристального взгляда Всевидящего Ока, тебя расшифруют вмиг. А после расшифровки обеспечат такими серьезными неприятностями в будущем, что только держись. Про личное портфолио все слышали? Слышали, потому и поймёте меня без лишних слов. Негативная запись в нём мне совершенно ни к чему.

С ней на приличную работу устроится невозможно.

А ещё я знаю, что система не только распознает лица, но и делает выводы о возможных дальнейших действиях по реакциям прохожих. Притормозил у магазина с грозным стикером в виде запрещающего знака и надписью «+18» внутри – взят под пристальное наблюдение. Только это уже самый настоящий секрет, тсс! Даже не спрашивайте, откуда знаю! Не скажу!

Вот почему я совершенно невозмутимо прошел мимо манящей автоматической раздвижной двери и проследовал дальше по улице. А что? Имею полное право! К тому же магазин по пути и мне сегодня к десяти... Всё успею! Я шёл своим обычным шагом, ничем не выдавая своего волнения. Я попросту запретил себе волноваться! К тому же погода была весьма подходящая – хмурая, предвещающая дождь и заставляющая меня поневоле быстрее шагать вперёд.

Правда, в моём случае только до второго переулка, в который я совершенно ожидаемо завернул. Вот уже третью неделю я целенаправленно делал там поворот, чтобы камеры слежения привыкли к моим действиям и перестали обращать на них своё пристальное внимание. К счастью, система камер глобальной ещё не стала, поэтому, сделав шаг, я остановился и стал выжидать в своей своеобразной засаде. Для осуществления своего дальнейшего плана мне нужен был помощник. Осталось его найти среди прохожих. И договорится с ним, ибо решиться на такое способен не каждый. Мало ли что...

Первых прохожих мне пришлось закономерно пропустить. Я еще не сошёл с ума – просить о такой покупке у прогуливающейся по улице пожилой пары. Это даже не смешно! Да и к последовавшей за ними компании подходящих по возрасту парней я обращаться не стал. Шпана ведь! И грабануть могут, и обмануть! Да и просто у касс «засыпаться». Пусть идут мимо! Звук шагов за спиной заставил меня обернуться. Ой! Как говорится, на ловца и зверь бежит! Самый лучший кандидат в помощники стоял прямо передо мной. Не испуганное, но учащённое дыхание, светящиеся через оправу очков глаза, внушающие доверие, рост, возраст... Словом, он тот, кто мне нужен!

Глава 2

– Привет! – поздоровался с ним я. – Похоже, у нас с тобой одинаковые предпочтения, не смотря на разницу в возрасте, не так ли?

– Вполне возможно, – неопределенно ответил он, улыбнувшись мне понимающей улыбкой. – Закон не позволяет, а инстинкт тянет?

– Тянет, – подтвердил я. – Реально не могу иначе. Выручишь?

– А передо мною точно не... блюстителю? – вопросом на вопрос ответил мой собеседник и тут же послал ещё один вопрос вслед. – Чем докажешь, что не из них?

Вопрос был серьезный. Вопрос был правильный. Вопрос был своевременный. Нет-нет, но на канале «Правопорядок» мелькали сюжеты о деятельности общества «Блюстителей» и их широкомасштабных «охотах на живца». С обязательным напоминанием о наказании за соучастие в нарушении закона. Портфолио едино и для детей, и для взрослых.

– Справку о том, что я в нём не состою, предоставить не могу, – извинительно развёл руками в стороны я. – Не имею такой! Но выручи, а?

В моих руках появилась сложенная вчетверо купюра. Мой собеседник (вот стрелянный воробей!) незамедлительно просветил её портативным УФ-карандашом и, убедив-

шись в том, что она не меченная, спрятал в свой карман. Сделка была заключена. Цена мне была известна вплоть до копейки. Навар мнимого покупателя составлял треть полученной им суммы.

– Есть какие-то особые пожелания в плане предпочтений? – поинтересовался мой благодетель. – Или мне купить на своё усмотрение?

– Конечно же, есть! – воскликнул я. – Мне нужно...

Дальнейшее я прошептал своему помощнику на ухо, в полной мере насладившись проступившей на его лице смеси изумления и понимания.

– А у нас и правда предпочтения в этом вопросе совпадают! – радостно объявил мне он. – Значит, точно выручу! Так, надо подумать ещё, как пересечься, чтобы не засветится!

– А остановка через улицу чем тебя не устроит? – предложил я.

– Это у больницы, что ли? – сообразил мой случайный помощник. – Одобряю! Там камер точно нет! Но, чур, через 15 минут и другой дорогой! А я пошёл своим путем...

Сказав это, он продолжил свою прогулку, а я поспешил пройти переулок до смежной улицы. Едва я обозначил левый поворот, как пустил в ход свою домашнюю заготовку. Левая рука, пройдя сквозь карман куртки, обнаружила своими пальцами зияющую прореху по шву. Энергичные похлопывания ничего не дали, а обороты вправо и влево были достаточно красноречивы для Системы. Человек что-то потерял.

Впрочем, человек (то есть я) быстро нашелся, набрал что-то на Визоне и, развернувшись, побежал вправо, прямо на радиометку вмонтированную в брелок. Всю дорогу я то дело задираю куртку и шептал то и дело губами: «Как же так?» попеременно с ругательствами. Система прекрасно распознаёт движения губ. Скорее же, скорее!

Успел! Едва я прошмыгнул через боковые ворота на территорию больницы (целая минута сэкономленного времени!) как увидел своего спасителя, проходившего от главных ворот ко второму боковому проходу.

– Держи!

С этими словами в мою раскрытую папку упала заветная упаковка. Молния застегнулась. То, что ни одна камера этого не засекла, я мог гарантировать лично, ибо знал.

– Спасибо, друг! – поблагодарил его я. – Буду рад помочь при возможности.

– Может быть лет через тридцать... – грустно улыбнулся мне неизвестный. – Приятного наслаждения.

– Взаимно! – порадовался за него я, разглядев в его прозрачном портфеле такую же упаковку.

И мы разошлись по своим делам, на разные остановки общественного транспорта. Два разновозрастных члена ультрарационалистического общества второй половины 21 века. Один из нас держал путь в свою школу. А я, инженер системы безопасности Всевидящее Око, ехал на работу, держа в своём портфеле сборник фантастики с грозной предупре-

ждающей пометкой на обложке «Чтение фантастической литературы лицам старше 18 лет строго запрещено из-за негативного влияния на рациональность мышления»

4—5. 08. 2019.

Green Alert

Глава 1

Дорога, что пролегала не более чем в пятидесяти метрах от лесного массива, была обычно пустынна. Лишь изредка по ней лихо проносились междугородние электробусы, не сбавлявшие скорость на всём протяжении пути. Абсолютно бесшумные, предельно безопасные, лишённые влияния «человеческого фактора», управляемые электронным мозгом, считывавшим информацию сразу с десяти камер, они по праву считались королями дорог. Закон жизни: человеческая лень во все века была двигателем прогресса. Впрочем, королей играет свита и вот почему...

Вот почему, едва видеокamеры подобного автобуса зафиксировали приближение двух колонн из микроавтобусов и внедорожников как спереди, так и сзади, электронный мозг счёл за лучшее перестроить маршрут по второстепенной дороге, тем более, что в составе одной из колонн замаячил старый армейский «Урал»...

Вот внедорожники, ехавшие во главе колонн, одновременно замерли, остановившись лишь в нескольких метрах друг от друга. Из них, синхронно открыв дверцы, вылезли два совершенно непохожих внешне, но близких по духу

человека. Высокая шатенка модельного телосложения, облачённая в деловой костюм, хранящая выражение вечного презрения к окружающим на лице, встала напротив крепко сложенного коротышки облаченного в натуральное «х-б б/у». Армейская униформа столь идеально сидела на нём, что у любого наблюдателя не осталось бы и сомнений в том, что перед ним находится самый настоящий бывший старший сержант, успевший выслужить свою законную пенсию. Свою собеседницу он прочитал мгновенно (как пить дать, стерва, да ещё, наверняка, обожающая над всеми доминировать) и неглубоко вздохнул. Некоторые малообъяснимые по телефону вещи стали для него абсолютно понятными.

– Мне от вас нужен результат, – властным голосом начала было распорядиться она, но, не заметив привычной подобострастной реакции, перешла на другой тон. – Помогите, пожалуйста. Он мне и правда дорог, как и все остальные...

– Маргарита Александровна, – деловым тоном продолжил спускаться с небес на землю возомнившую себя звездой «леды» сержант. – Мы сделаем все, что в наших силах. К тому же, у нас для вас хорошие новости.

– Это какие же? Вы его что, уже нашли? Тогда не тяните резину, время дорого.

– Эка, вы какая быстрая, – укоризненно покачал головой бывший сержант. – Но мы его найдём. Во всяком случае, мы на верном пути. К тому же, как я вижу, участников поисков будет больше, чем мы рассчитывали изначально. Отыщется

ваш потеряшка.

Сергей, так звали старшего поисковой группы, с удовлетворением оглянулся назад, туда, где его бойкая жена Глаша, покинувшая кабину «Урала» уже суетилась у прицепленной к трехосному грузовику полевой кухне. Из кузова грузовика, покрытого тентом, выпрыгивали мужчины и парни крепкого телосложения, в костюмах «Лесник-3» с футлярами за плечами. В таком же облики из «Соболя» вылез двухметровый гигант, меланхолично облокотившийся на борт своего микроавтобуса.

Какой командир допустит, чтобы на его глазах подчиненный страдал фигнёй?

– Андрей! А ну давай сюда! Одна нога уже здесь должна быть! И своего батана тащи. Зря что ли мы его кормим? Пусть отрабатывает своё!

– Вот что значит вышколенность, – с уважением заметила про себя Маргарита. – Мне бы такого же достичь.

Андрей моментально открыл боковую дверь «Соболя», просунул в салон руку и буквально выволок за шкуру из него тщедушного паренька со шлемом виртуальной реальности на голове. Едва тот был доставлен к начальству, как резким движением руки Сергей сдернул шлем с головы батана, который удивлённо захлопал глазами, глядя на резко изменившийся краски окружающий его мир.

– Тёма, алло, ты с нами?

– С вами, Сергей Петрович, – аналитик группы лишь че-

рез десять секунд нашёлся что ответить. – Я это, сейчас...

Мало на что годный в лесу паренек вновь нацепил на своё лицо шлем и начал исполнять почти магические пассы в воздухе, будто бы он сейчас творил колдовство. Уступая ему место, Андрей сделал шаг назад в сторону, случайно задев прикладом «Сайги» не успевшую отодвинуться заказчицу.

– Оружие? Настоящее? – взвизгнула от неприятного открытия для себя Маргарита. – Я же сказала вам...

– Да ничего мы с вашим э-э-э... любимцем не сделаем. Голыми руками возьмём. В крайнем случае, вот, смотрите... (Сергей с гордостью продемонстрировал собеседнице свой шестизарядный «Gletcher», виртуозно вытащенный из кобуры) трех дротиков, я думаю, вполне хватит.

– Да, но «Сайга»...

– А вы думаете, по лесам один ваш потеряшка бегает?

Только теперь Маргарита осознала, на краю какой ямы она оказалась и чем именно несёт с её дна.

Во-первых, не смотря на лишь частичное финансирование от государства, любого подопечного ей официально передавали «в аренду». И если с четверть века назад спроса с неё не было бы никакого, то сейчас к ней вопросы появятся. И у общественности, обожающей совать нос в чужие дела, тоже. А во-вторых, Маргарита Александровна, сама принципиально своих детей не заводившая, (пелёнки-распашонки, детские поликлиники, школа, а далее по новому кругу) к своим сорока начала испытывать к каждому своему под-

опечному странные для себя симпатии. Те самые, которые в её детстве называли «щенячьи нежности». Немногословность с начальством, сухость в общении с людьми её круга, жёсткость в отношении подчинённых, она компенсировала гипертрофированной заботливостью к своим любимцам. Да да, они все были её любимцами.

– Бедный Макс, – искренне ужаснулась «железная леди», с плохо скрываемыми страхом и ненавистью смотревшая на казавшийся ей непроходимым лесной массив. – Я найду тебя! Я спасу тебя! Я окружу тебя такой заботой, что ты снова излечишься от своей дикости. Да я...

Пока Маргарита предавалась мечтам, в которых она становилась супергероем блокбастера, окружающие её люди деловито готовились к поиску. Вот четверо мужчин, обнаружив твердую площадку, установили на неё генератор, дабы оперативно подзаряжать фонари и смартфоны. Андрей, придерживавший за руку одного из присоединившихся к поиску добровольцев, предложил последнему несколько раз подпрыгнуть, а затем жестами и экспрессивными выражениями заставивший его подогнать все ремни и лямки «как полагаются». Вот ещё одна женщина, приехавшая с мужем, подошла к Глаше и после непродолжительной беседы начала раскладывать походный столик.

Остальные, распаковав свои чехлы, ещё раз осматривали своё оружие, не важно, «Сайга» то была или «УВЫШ-651м», стреляющая (для тех, кто не в курсе) дротиками со сно-

творным. Единственным человеком, кто помимо Маргариты был «выключен из реальности», являлся полностью погрузившийся в «киберлайв» Артём. Впрочем, погрузившийся ненадолго. Сергей, выждав пять минут, вновь сорвал с его головы шлем и, полюбовавшись очередными десятками секундами растерянности подчиненного, строго спросил:

– Ну, и как обстоят наши дела?

– Обстановка... обнадеживающая, – едва подбирая правильные слова начал отчитываться Артём. – Поскольку... э-э-э... объект... был заранее помечен радиомаяком, то 18 циклов... тьфу-ты, 3 этих... часа назад, его сигнал был факси... то есть, зафиксирован, как её назвать... камерой, точно, камерой «ГК – 124». В конус фиксации «ГК- 125» он не попал. Короче, он где-то здесь, вот в этом лесу.

– А ты, я погляжу, умный, – с нескрываемым сарказмом в голосе заметил Сергей. – Прямо как тот индюк, который в суп угодил. И без тебя это ясно! Отследить сможем?

– Так ведь радиомаяк стандартный, без спутниковой привязки, так ведь? – только теперь паренек догадался перевести взгляд на заказчицу.

– Так где же столько денег взять? Но обыкновенными маяками помечены все. Что скажете?

– Ну, болот, судя по карте, там нет, а в остальном... – Артём снова замялся. – Классная у вас ава. Почему создавали?

– Чего? – опешила от неожиданности Маргарита. – А-ва? Зафыркавший Сергей, дабы избежать разгорания скандала-

ла, вновь опустил видеоматрицу шлема на глаза парня и дал ему легко пинка для скорости.

– Вы уж простите его, сам не ведает что говорит.

– Да всё хорошо, – примирительно махнула рукой заказчица. – В конце концов, лучше так...

– Вот ничем это не лучше, – вмешался в разговор подошедший к ним седовласый мужчина в камуфляже. – Он же общаться ни с кем не может и не сможет. Будь он хоть трижды читер в вирте, реальная жизнь его обломает на раз-два. Его и на улицу если выпускать, то, как собачку, на поводке. Иначе пропадет.

И Маргарита Александровна, и Сергей развернулись к новому собеседнику, который, кстати, шел к ним не один. Прямо за ним шагали двое подростков, в которых угадывались родственные черты. И если женщина смотрела на них, особенно на того, кто подросткам приходился по её мнению дедом, с явным неодобрением, то бывший старший сержант, вспомнив, не смог скрыть своего удивления.

– Капитан? Пётр Алексеевич, это вы?! Вы что же, на этот раз с нами? Вот приятная неожиданность. А они – ваши...

– Дети, Серёга, да, это – мои дети. И, снова да, на этот раз я с ними в деле, не смотря на разногласия между нами. А пока, постройте собравшихся поисковиков, я выступлю перед ними. Чтобы каждый из них знал не только то, что он должен сделать, но и знал, зачем...

С этими словами капитан, которого звали Пётр (или Пётр,

бывший когда-то капитаном) хлопнул дважды в ладоши, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Товарищи и сочувствующие, давайте в круг! Дело есть.

Как ни странно, но в первых рядах оказались две диаметрально противоположные категории людей. Либо не профессиональные добровольцы, для которых это был второй, а то и самый первый поиск, либо те, для кого «Green Alert» уже с десятков лет была смыслом существования на «гражданке», те, кто понимал необходимость спаянности разновозрастной компании в единый квазиорганизм, который называется поисковой группой. Всем же прочим, мнящим себя «профессионалами», настоящими поисковиками ещё предстояло стать. Дело наживное, пара-тройка поисков, и осознание придёт, особенно, если один из них будет не удачным. Только, чур, не в этот раз...

– Отлично, – продолжил свою речь бывший капитан, всматриваясь в лица присутствующих. – Сначала о диспозиции. Наша зона поиска – два прямоугольника лесного массива шириной в полтора и глубиной в три километра, отделённые друг о друга линией ЛЭП. Последний прямоугольник леса примыкает к береговой линии водохранилища, образуя небольшой обрыв. Макса засекали три часа назад. Это, конечно, не «брильянтовые» минуты, но поистине «золотые» для нашего поиска часы. Нас – тридцать два человека...

– Тридцать...

Это Маргарита постаралась поправить перехватившего

лидерство в поисковой группе человека, но капитан, бросив в ее сторону неодобрительный взгляд, невозмутимо продолжил с того же, на чём и остановился:

– Нас тридцать два человека. Значит на каждого чуть менее 50 метров ответственности в цепи. Много, слишком много, так бы я сказал ещё лет десять назад. На наше счастье, портативные тепловизоры и радиомаяк, особенно радиомаяк, облегчат нам поиски. Сигнал радиомаяка по идее можно уловить метров за двести, но лес – не полигон! Его используем исключительно для точной идентификации. Вот тепловизор – другое дело! Он засекает любое теплокровное существо в конусе радиусом тридцать и высотой сорок метров. Их у нас – тридцать! Значит полное покрытие по ширине у нас, считайте, есть, причем с запасом. Честно скажу, что в своё время я об этом и мечтать не мог. Но! Не расслабляемся и помним: главное – держать линию! Разрывов в ней быть не должно. Если кто что засечёт, не орёт дурноматом на всю округу, а сначала метку проверит. На ежаков не отвлекаемся, потом полюбопытствуете. Вопросы есть?

– Какие могут возникнуть сложности? – спросил седовласый, как и Петр, доброволец, любовно гладивший ладонью ствол своей «Сайги».

– Главная проблема в том, что Макс сбежал не спонтанно, растерявшись, скажем, от испуга, поэтому сам к нам не выйдет, а то и спрячется. Он к нему готовился, – охотно ответил капитан и, увидев, что заказчица порывается что-то сказать,

продолжил. – Сам побег, как и большинство подобных ему – дело случая, но (как там это формулируется в ваших официальных бумагах?) «Дикое прошлое способствует появлению склонности к побегу».

Маргарита поневоле проглотила эту «плюху». Бывший военный, как оказалось, хорошо разбирался и в том официальном словоблудии, которое окружало каждого из её любимцев. К тому же, от опытной интриганки не укрылись те саркастические нотки в его голосе, которыми Пётр оформил строчку из характеристики на Макса. Но вступать в пикировку сейчас она не желала. Сначала подопечного живым верните, а уж потом... Пока женский мозг обдумывал план будущей мести, с губ Маргариты слетели слова:

– Бедный Макс! Вот не понимаю, решительно не понимаю... кормим, поим, держим в тепле, уюте и в саду за забором в полной для него безопасности, а он на это так. Неужели и правда: «Как волка не корми...». Ненормальный...

– Отнюдь! Он-то как раз такой, каким быть и должен. Как в песне поётся: «Мне не хватает в закрытых садах Воздуха, рвущего плоть». Впрочем, этого вам точно не понять.

Последнюю фразу капитан прошептал так, что её услышали только его дети. Молчание было недолгим. Пётр ещё раз хлопнул в ладоши и начал отдавать распоряжения.

– Сколько у нас боевых стволов? Четыре? Плюс наши два. Серёг, проследи, чтобы с боевыми патронами шёл каждый седьмой в строю. Моя тройка идет в центре. Сколько на ча-

сах, девять утра? Тогда пятнадцать минут на построение,
и вперёд!

Глава 2

Неизвестный автор мема про кошку, который по неведению приписывается то Ленину, то вообще Конфуцию, ещё не видел ту страду, что зовётся поиском. Для непривычного человека уже после первого часа безрезультатного рысканья по густому лесу (настоящий Сизифов труд!) аналогия с рекомой кошкой будет царапать сердце и разум подлым вопросом: «На фига всё это?». Через это проходят все. Кого-то преодоление только закаляет, а кому-то показывает, что поиск – просто не его. Как там пелось в старой песне? «Не всем волчатам стать волками...» Такова жизнь, и когда человек, не выдержав этого скрежета, уходит, дурного о нем не скажут. Тех же, кто выдерживает, и раз за разом снова идёт в зелёный и непривычный для городского человека мир, поджидает опасность пострашнее банальной неподготовленности к жизненным испытаниям. Здоровый цинизм – хороший механизм защиты психики, особенно если профессия подразумевает работу в условиях риска или связана со смертью, но когда он мутирует и становится нездоровым – жди беды.

Пётр Алексеевич прекрасно помнил, как всё начиналось много лет назад. Тогда, в те далёкие и безвозвратно ушедшие в небытие годы волонтерские поиски были для него настоящей отдушиной, особенно если они завершались успешно. Видеть искреннюю радость на лицах людей, ощущать се-

бя сопричастным к спасению другой жизни – чувства совершенно непередаваемые. Так продолжалось, чуть ли не десять лет, пока его внутреннее я не приказало остановиться и проанализировать два крайних поиска. Припомнить странные интонации в голосах координаторов, их оговорки, двусмысленности в брошенных ненароком фразах. То чутьё, которое хранит в бою по-настоящему удачливого солдата, сигнализировала об опасности. И стоило ему сделать первый набросок на бумаге всех известных ему связей на бумаге, как ему реально стало не по себе.

За благородным во всех отношениях делом он почти сразу обнаружил не особо скрываемое второе дно, от которого распространялся Запах. Запах даже не гуано, а серы и смолы, прорывающийся из Преисподней. Открытие столь сильно потрясло бывшего капитана, что он сначала его счел за плод своей разыгравшейся фантазии. Уж больно оно было созвучно тем страшилкам из его детства, которые привозил из пионерского лагеря и охотно делился с ним его двоюродный брат, старший Петра на целых десять лет...

К его сожалению, следующий же день подтвердил его самые наихудшие опасения. Сначала Сергей-сержант в телефонном разговоре обмолвился о грядущей коммерциализации волонтерского движения и о том, каких бабок на этом можно будет нарубить. Оставшийся в своё время служить по контракту, чтобы не работать сторожем при птицефабрике, парень и в армии нет-нет, да показывал натуру не кре-

стьянина, но куркуля, не страдающего от отсутствия морали. Слушать его излияния по дороге в школу (а капитан после отставки устроился учителем ОБЖ) было донельзя противно.

Буквально через два часа Пётр Алексеевич получил словесную оплеуху вместе с ещё одним доказательством своей правоты. На этот раз от своего непосредственного начальства, в лице директора школы. Диана Дмитриевна, чуть ли не певшая ему дифирамбы ещё неделю назад, ныне расчихвостила его как школяра, в пух и в прах. Из гневной речи капитан понял, что его планы районным начальством признаны не только нежелательными, но и вредными. И внеурочная работа в каникулы (чуть ли не грамоту первоначально сулили) и идея модернизации живого уголка (аквариум, в котором близ лимонника плавали две одинокие гупёшки) накрываются, скажем так, «ночным горшком».

А уж когда вечером в передаче «Голос Молоха» (сам бы он эту гадость и смотреть не стал, но звонок от не на шутку встревоженного друга заставил) ведущий Дмитрий Молох стал напоказ проливать крокодиловы слёзы о гибели сотен и тысяч несмышлёнышей в год, о том, что все мы ответственны перед ними и потому по примеру просвещенной в таких вещах Европы должны...

Даже сейчас, по прошествии почти десяти лет, Петр Алексеевич не мог без отвращения вспомнить о том злополучном дне. Едва во всеуслышание было объявлено о реорга-

низации движения в государственную структуру, смене названия (чтобы на Западе, помешанном на ми-ми-мишности, правильно поняли) и изменений в деятельности, капитан, сославшись на последствия ранений, предпочёл отойти от дел, сосредоточившись на учительской деятельности, и лишь изредка выезжал, как непрофессиональный доброволец. Но только тогда, когда был уверен, что это действительно необходимо. Как сейчас. И при этом гнул свою линию...

«Первую половину пути Никита прошагал со скоростью 5 километров в час». Именно такая формулировка задачи по математике вспомнилась мне, «НЕкиту» (так называет меня моя сестра, с ударением на первом слоге), когда вслед за своим отцом я вышел из лесного массива на просеку. Автор задачника или серьезно ошибался, или имел ввиду тот факт, что мальчик шёл по ровной городской дороге, не всматриваясь пристально в каждый встречный куст. Нам, к примеру, удалось за эти шесть десятков минут прочесать лишь три километра. Только сейчас, после отмашки рукой отца к привалу, я позволил себе, присев на рюкзак, посмотреть вверх, на удивительно голубое и безоблачное небо, на фоне которого были чётко видны три высоковольтных провода ЛЭП. Я улыбнулся безмятежности небо-свода и с наслаждением прикрыл глаза. Они у меня устали гораздо сильнее, чем натренированные частыми походами ноги. Идти по пересечённой местности не трудно, а вот смотреть одним глазом прямо перед собой, а вторым в экран теп-

ловизора – сложно. Вот уж действительно та ситуация, когда твои глаза разбегаются в прямом смысле этого выражения.

Почти одновременно со мной на просеку вышел и мой напарник слева, а левее его – уже его сосед. Через минуту, когда я осмотрелся по обе стороны от себя, то убедился, что разрывов в нашей линии не наблюдается, не смотря на пару эксцессов и понесенную нами «небоевую потерю». Дважды соблюдаемый режим радиомолчания нарушался сначала восторженным воплем: «Нашёл!», а через минуту, когда выяснялось, что усыплен ни в чем не повинный ёж, эфир сотрясался от лавин «признаний в любви», выпущенных из уст остальных поисковиков на сержантском диалекте великого и могучего (поистине могучего!) русского языка. Пять потраченных зазря дротиков просто списали. Дело житейское.

«Потерей» же стал личный бодигард «Королевы Морга». Такая ассоциация одновременно пришла на ум не только мне, но и моей сестре, едва мы взглянули на эту... это существо, мимикрирующее под женщину. Да и охранника она выбрала себе под стать. Не дать, не взять – парочка рептилоидов из третьесортного фильма. В основную линию этого чудика, впервые (представьте себе, впервые!) увидевшего лес естественно, не поставили, но он и с должностью чаеносца, то есть человека, который должен был таскать наши термосы не справился. Мало того, что он зацепился носком ботинка за корень, так он ещё умудрился приложиться своим фейсом прямо в муравейник. Рыжие представители рода

формика (да и я бы на их месте тоже) такой наглости не потерпели и моментально вцепились в него своими челюстями, чтобы жестоко покарать разорителя их города. Тот вопль, который он издал, был, наверное, услышан по обе стороны леса и распугал всех его обитателей. К счастью, это случилось в самом начале поиска и мы, оставив бедолагу на попечении тети Глаши, спокойно продолжили делать свое дело.

Вот отец снова дал команду рукой, на этот раз уже к окончанию привала, и я, предварительно помассировав крестообразные связки коленного сустава, встал на ноги и одновременно с остальными поисковиками вошел в прямоугольник леса, зеленевший прямо передо мной. Сосновый бор величав и красив, но мне сейчас было реально не до любования им. А трижды... трижды мне пришлось больно прикусывать свои губы, чтобы удержать себя от несвоевременных и недопустимых глупостей.

Дважды мой взгляд натыкался на участки, сплошь усеянные лисичками, а однажды пятью метрами левее себя я пропустил заросли поспевшей черники...

По окончании поиска я ещё вернусь сюда, но сейчас главное – это Макс, и желательно, чтобы его нашли именно мы...

Чем ближе мы подходили к другому краю леса, тем сильнее накалялась обстановка. Вот мои уши ясно уловили сначала приглушённый расстоянием щелчок, прозвучавший справа, а затем шепот сестры (умница! не на общей волне): «еж-ж-жак». Ничего страшного, это – рабочий момент.

Вскоре поисковики, что работали справа, начали один за другим отчитываться, что они вышли к ограде элитной турбазы, через которую имышь не проскочит незамеченной. Вслед за ними стали поступать доклады и от тех, кто работал намного левее нас. Они сообщали, что вышли на песчаный пляж с нетронутым песком. Оставался лишь наш небольшой участок, шириной менее ста метров, врезающийся в водохранилище, оставался не исследованным.

Водная гладь открылась перед моим взором совершенно неожиданно. Я замер на обрыве и смотрел вперёд, туда, где в метрах пяти от береговой линии кружились лодка и сломанный вчерашней непогодой плакат. Неужели Макс... я спрыгнул вниз и сделал два шага вперёд. Хотел сделать третий, но тут же почувствовал на своей спине ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД, полный испуга, отчаяния и ненависти. Резкий поворот влево, выстрел навскидку и фраза, которую я бросил в эфир на особой волне: «Цель поражена»...

Вы мне не поверите, но я это сделал снова, при первой же представившейся возможности. Попросту сбежал, не смотря на весь мой предыдущий печальный опыт. Три, ровно три неудачных попытки побега было у меня из тех заведений, что иные люди впрямую называли «питомниками». Если бы я появился на свет в чаще городских трущоб или в одном из «Питомников» (представьте себе, часто бывает и такое!), то для меня всё бы сложилось иначе. Регулярная кормежка и полная беззаботность внутри огороженной от остального

мира территории, плюс то, что называется «НМОР-Зд» (или в просторечии – «Намордник») быстро сделали бы меня похожим на прочих вышколенных обитателей этих страшных мест.

Но я появился на свет у своих родителей в лесу, в середине последнего месяца весны. С первых же минут своей жизни я дышал пьянящим воздухом свободы и хвои. И моя жизнь не отличалась от жизни моих сверстников на воле. Сначала я питался исключительно маминым молоком (что-что, а это я знаю прекрасно), затем осознал, что существуют ещё ягоды, садовые и дикие фрукты, яйца, грибы, и мясо. МЯСО – вот то, что мне нравилось больше всего! Признаюсь честно, то, что называли «мясом» на огороженной территории, им в моем представлении не являлось. Лосятина, которую добыв, давал мне отец, гораздо вкуснее...

Для меня всё изменилось на исходе последнего месяца осени, после обильного снегопада. Мне было уже шесть, когда неожиданно началась страшная стрельба. Помню короткий вскрик матери: «Беги» и то, как я, сделав отчаянный рывок, вскоре скатился на дно оврага и прижался к замерзшей земле. А дальше? Дальше я помню следующее...

Помню, как сильные мужские руки приподняли меня за шкурку и, встряхнув, выставили на обозрение женщине со строгим выражением лица.

– Хорош щенок? – спросил её мой мучитель.

– Да, он вполне милый, – согласилась она, оторвавшись

от изучения своих бумаг и, заметив, что я оскалился, обидевшись на «щенка», добавила: – Только он вот дикий и безумный на вид.

– Безумный Макс, – зашёлся в смехе мужчина.

– Просто Макс, – поправила его женщина, сделав несколько касаний по экрану своего смартфона. – Под этим именем мы его и оформим...

Так и окончилось моё детство. Меня то и дело перебра- сывали с места на место, и «передержав» (именно так эта процедура и называлась) вновь передавали по цепочке, ка- завшейся мне бесконечной. Но где бы я не оказывался, ме- ня не оставляла мысль вернуться в родные места. И вскоре я решился.

Этот случай хорошо отложился в моей памяти. То ли по- тому, что стал первым, то ли потому, что я бежал не один. Со мной увязалась Ласка (придумают же иные люди имена!), чья судьба почти точь-в-точь повторяла мою судьбу. Навер- ное поэтому мы обособились от остальных обитателей то- го «Питомника», с которыми не нашли никакого взаимопо- нимания. Обнаруженная нами дыра в ограде послужила тем путём, которым мы рванулись на волю. Как же хорошо нам было вдвоём, особенно, когда ночью, мы прижимались друг другу, чтобы согреться. Увы, но «городские джунгли» для нас были столь непривычны, что мы чем-то себя выдали. Об- наружили нас очень быстро, на следующий же день, органи- зовав облаву, а поймав, вернули и задали нам такую трёп-

ку, что...

Мне было больно. Как от наказания, так и от того, что мне зачем-то прокололи ухо. Ласку я больше не видел. Во второй и в третий попытки, тоже для меня неудачные, меня и все ловил персонал, не позволяя сделать даже единого вдоха на свободе.

После третьей попытки, а так же в связи с очередным перепрофилированием, никто не соглашался брать меня «на свой баланс», пока обо мне не узнала эта женщина из «Лесной сказки». И когда меня ей передали, то я понял, насколько всё может быть плохо. Нет, тут никого не били, даже кормили намного лучше, чем в иных «питомниках», но когда я осознал, что внешняя благопристойность достигается исключительно «намордниками», то решил бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.